

СТАРАЯ ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

Памяти моей бабушки,
Анастасии Кирилловны Лукьяновой
(в замужестве Ревенко)

«Ой, бедная избушка стояла край села,
а в той худой избушке – там вдовушка жила» –
так бабушка мне пела, январская метель
за окнами кипела...

Тверда была постель:
между стеной и печкой настил из горбыля,
под ним – тайник в дощечках, под тайником –
земля

тихонечко дышала, пригревшись до весны
под тёплым одеялом снежнейшей белизны.

А наше-то – отброски, пестрядинка, лоскут,
их с каждой смены сёстры под кофтой волокут
и складно так сшивают в цветное полотно,
что и во тьме играет да радуется оно;

та, что помладше, – Валя, родившая меня,
та, что постарше, – Надя, крестившая меня.
Шли мимо два товарища, просились ночевать:
«Пусти, пусти, хозяйюшка, хоть ночку
переспать!»

И к нам стучались было, но всем одно в ответ
Кирилловна рубила, мол, в хате места нет,
и уходила плакать, хлестнув скобой, в чулан...
Дед мой родной Иаков и неродной Степан
с двух карточек взирали, жалеючи её,
на горькие печали, на вдовье житиё...

16

«Простите меня, люди, я с поля поздно шла,
я печку не топила, гостей я не ждала...»

Да, помню это поле.

На тысячи гектар
кладбище бабьей доли, болото да угар
работы агрегатной меж буряковых гряд,
безжалостный, бесплатный,

затрудодневный ад!

Ещё ж своё хозяйство: чтоб прокормить детей,
скачи, Настасья, зайцем, трудись, не ешь,
не пей,

паши, от боли воя, тяни, небога, гуж!
Своих-то только двое, приёмных – девять душ.
Но без разбору масти, Господь свидетель тут,
всех выходила Настя, все мамою зовут.
«Не хлопочи, хозяйюшка, спасибо за приём,
мы ночку поночуем, а поутру уйдём!»
Поцеловав в затылок, гребла меня тесней
к себе...

Хоть печь остыла, мне жарко было с ней,
ладони, словно тёрки, шершавы и грубы –
не разглядишь под коркой извилины судьбы.
«А где же муж и дети, где близкие твои?
Ведь тяжко жить на свете без ласки да любви!»
Всё было – да и сплыло...
Один её любил,
другого полюбила сама, хоть пил да бил.
Она девчонкой-крохой до нашего села
из Оренбурга пёхом с семьёй своей дошла.

Росточком невелика, сухая, как чехонь,
и не царевна ликом, да словно в ней огонь,
горючей керосину лукьяновская прыть –
как Ревенкову сыну такую не любить?!
Уж он лелеял жинку, потворствовал ей так,
парадные ботинки пошил, он был мастак:
на крашенных подборах, старинных крепежах,
в китайках да узорах – иди, пляши, душа!
«Ой, в сорок первом годе, как началась война,
я мужа проводила, сыночка отдала», –
так выпевала горько, что вьюга, как вдова,
ломилась в ставень створки,
крича печаль-слова...
А дед-то мой Иаков с войны вернулся всё ж.
С одним отличным знаком – всадил сапёрный
нож
фашист ему под печень, молоденький, смеяся.
Прикрыться было нечем – вдохнул и рухнул
в грязь...

«Мне в госпитале тужно», – и через месяц он,
кривой, худой, недужный, догнал свой батальон.
От Бохумилиц глинных на чешском бережку
до самого Берлина дошёл с дырой в боку!
Ни орденов, ни прочих...

Я как-то не спала –
и вдруг в архивах ночью медаль его нашла
простую:

«За отвагу».

На сайте «Подвиг.ру».

И с этой вот бумагой за пазухой помру...
Обычный пехотинец не знал, что он герой.
Такой вот украинец был дед Иаков мой.

Да ладно бы всё это!

Но фриц его убил:

дед прожил только лето – рак печени сгубил.

Хоть бабушка с развесу корову продала,
к профессору в Одессу супруга отвезла,
но врач лишь сгорбил спину, в приёмный
выйдя зал,

и даже «цеппелины» трофейные не взял.

«Они наутро встали, в светёлочку зашли,
подарки доставали, с поклоном ей несли...»

Ох, нынче с горькой силой кляню себя, кляню –
что ж я не задарила тебя за ту войну,
добром не закидала!

Прости меня, молю...

И говорила мало, как я тебя люблю.

На память не спросила твой плюшевый жакет,
который ты носила незнамо сколько лет,
из чёрных штор советских, со вставкой

голубой,

он счастьем моим детским пропах насквозь –
тобой...

«Она на них взглянула и вдруг всё поняла:
родные к ней вернулись, кого давно ждала!»
И я ждала – вот этой ликующей строки:
у нашего порога стояли мужики:
мужья, отцы и братья, деды и сыновья –
как Родина, как матери, всех обнимала я:
«Так обними же, женушка, ты мужа своего,
Прижми к груди ты, матушка, сыночка родного!»
Их невозможным счастьем охваченные,
мы
дышали тихо, часто
в тепле домашней тьмы...
Мир замирал посконный.
Лишь в тайнике порой
меж банок с самогоном шумел мышинный рой,
вертелся, грыз орехи, вершил дела свои...
А глубоко под стрехой шуршали воробьи.

* * *

воркует дева губоньки раздув
хочу в гурзуф хочу в гурзув в гурзув
там море чище и алей клубника
пьёт чай пуская ясную слезу в
стакан а я сандалики раззув
в московской кухне мастерию тунику
чтоб в ней и в пир и в мир и в клуб и в гроб
и всё так волны подолом ходили чтоб
сверкая синими каёмками по краю
ошибок методом а также дерзких проб
я пополняю скудный гардероб
и слов пайетками на солнышке играю
ах лето жарь томи нас круглый год
чтобы аж выцвел ситцев небосвод
чтоб до последней косточки прогреться
чтобы дозрел планеты древний плод
и золотым покрылся над и под
упал и закатился мне под сердце
таков вот мой измайловский лубок
девчуля гулит словно голубок
а эдак наискось ловушкой тень беседки
и за окном вечерний свет глубок
и видно как смеяся подросток-бог
спасает с дерева кота своей соседки

СВЕТЛАНЕ МИЛЮТИНОЙ

в таком бы мире жить в такой ходить бы юбке
где звёзды как горох по органзе небес
подола край подшить порханием голубки
а на подклад пустить витой виссон чудес
ни тужель ни сапог теперь уже не надо
по ксеньиным следкам не чувствуя земли

бежишь в ближайший храм средь ледяного града
или июльский зной несёт тебя в пыли
хоть о любви земной ещё мечтаешь пылко
и над любой бедой взлетаешь без труда
подпетербургский лес шарага лесопилка
ломают хоть кого зарюта хоть куда
на рамах скоростных распяты клёны длинно
но с запани видать на валааме свет
там охраняя мир вознёсся восьмиклинно
предвечный русский крест спасения обет

УВРАЖ*

в юродской простоте с улыбкой на губах
вишу я в пустоте сижу я на бобах
то душу подлечу – она и не болит
то к солнцу подлечу – оно и не палит
зимой – земля манит а небо – по весне
но всякий дерзко мнит что знает обо мне
и правду и враньё и вдовие вытьё
и явное житьё и тайное моё
а мне-то – от корней до маковки с птенцом –
самой всегда слышней – за сердцем за лицом
гул пламени стоит от ночи до зари –
так дерево горит бывает изнутри
оно как человек – сквозь нестерпимость мук
хотя б один побег любви пробьётся вдруг –
хотя б один листок окрасит хлорофилл
хотя б один цветок да будет миру мил

* Увраж (фр. *ouvrage* – работа) – работа, сочинение, произведение искусства, литературы или ремесла.

прозрения и боль страданья и грехи
всё вздето на глаголь** всё брошено в стихи
огонь уж плавит плоть истлел телесный слой
увраж раскрыл Господь
читатель главный мой

* * *

отличаю белое от чёрного отличаю лебедя
от ворона
да сужу частенько сгоряча
в человеке тьмы и света поровну если я
встаю на чью-то сторону
у кого-то гасится свеча
о своём бы нарыдаться вволюшку да молиться
без конца за Колюшку
да беречь запечного сверчка
уж пора бы вроде успокоиться день и ночь
передо мною Троица
в самом центре сердца и зрочка
мир исправить скорбная утопия что ж я лезу
и ломаю копия
когда след бы слушать зов земли
на пороге смерти и прощания Боже дар
смиренного молчания
мне такой беспосильной пошли

18

** Глаголь – четвертая буква алфавита; виселица.

